

СЕПТИМУС ХИП

✠ КНИГА ВТОРАЯ ✠

Полет
дракона

СЕПТИМУС ХИП

✠ КНИГА ВТОРАЯ ✠

Полет дракона

ЭНДЖИ СЭЙДЖ

Санкт-Петербург

*С любовью посвящается Лори,
придумавшей магогов.
Эта книга для тебя*

ОБСЕРВАТОРИЯ
САЙМОНА

НОРА ПЕЩЕРНОГО
ВУЛКАНА

ТОПКИ РУДОК

УЩЕЛЬЕ

СЛАНЦЕВЫЕ
КАРЬЕРЫ

РЕКА

НИЗИНЫ

СЕВЕРНАЯ ДОРОГА

ОДНОСТОРОННИЙ
МОСТ

ЗАМОК

ФЕРМЕРСКИЕ УГОДЬЯ

РЕКА

ГОД НАЗАД: УЖИН В ЧЕСТЬ УЧЕНИКА

На Болотах Песчаного Тростника царит ночь. Полная луна плывет над темной водой, озаряя существ, которые выползают по своим делам только во мраке. Ничто не шелохнется, лишь изредка булькнет где-то в Зыбкой Топи: это **твари**, живущие в ее глубинах, собираются на пиршество. Трясина засосала огромный корабль с целой командой матросов, и **тварям** не терпится поживиться мертвечиной, но им придется сражаться за объедки с кикиморами Зыбкой Топи. Клокоча пузырьками воздуха, трясина время от времени

выбрасывает что-нибудь с корабля наверх, и на поверхности плавают густо покрытые дегтем доски и балки.

Не дело человеку наведываться ночью на Болота Песчаного Тростника. Но вон вдалеке кто-то плывет в маленькой лодочке, уверенно держа путь к кораблю. Волнистые светлые волосы мокрыми прядями падают на лицо путника, зоркие зеленые глаза сердито всматриваются во мрак, а сам он тем временем снова и снова вспоминает жаркий спор, случившийся тем же вечером.

«Хотя какая мне теперь разница?» — спрашивает он самого себя.

У него впереди новая жизнь, и там его способности найдут свое применение. Там им не будут пренебрегать из-за какого-то безродного выскочки.

Лодка наконец подплывает к кораблю, но над водой видна лишь одна-единственная мачта. На ее верхушке болтается дряблый красный флаг с тремя черными звездами. Человек направляет лодку в протоку, которая позволит ему подобраться к самой мачте. Он дрожит, но не от холода, а от страха, витающего в воздухе, и от мысли, что прямо под ним лежит остов корабля, начисто обглоданный кикиморами. Лодка утыкается в скопление обломков — дальше не проплыть. Гребец пытается повернуть назад, но тут лодка резко останавливается,

наткнувшись на что-то под водой. Он вглядывается в мерзкую тину и сначала ничего не видит, но вдруг... Вдруг замечает что-то внизу, что-то белоснежное в лунном свете. И оно движется... движется к поверхности. Скелет! Скелет, до блеска обглоданный кикиморами, выныривает из трясины, облив лодочника с ног до головы черной жижей.

Дрожа от страха и предвкушения, человек позволяет скелету забраться в лодку. Гость усаживает сзади, упершись острыми коленными чашечками в спину гребцу. И по кольцам на костяных пальцах человек узнает того, кого и надеялся найти. Это скелет самого Дом Дэниела, **некроманта**, дважды Архиволшебника и, как считал лодочник, куда более могущественного чародея, чем та, с кем ему пришлось разделить ужин в честь нового ученика.

Человек в лодке предлагает скелету сделку. Он сделает все возможное, чтобы возродить скелет к жизни и вернуть ему законное место в Башне Волшебников, если только тот возьмет его к себе в ученики.

Кивнув черепом, скелет соглашается.

Лодка продолжает свой путь, и управляет ею нетерпеливый костлявый палец скелета, упершийся в спину гребцу. Наконец они подплывают к границе Болот, и там скелет вылезает из лодки и ведет высокого светловолосого юношу в самое унылое

и холодное место, какое тот когда-либо видел. Ступая следом за шаркающим скелетом по заброшенной поляне, юноша вдруг — на одну секунду — задумывается, что же он оставил позади. Но лишь на секунду, ведь теперь у него новая жизнь, и он всем покажет! И тогда они пожалеют.

Особенно когда он станет Архиволшебником.

⚡ I ⚡

ПАУКИ

Септимус Хип закинул в банку шесть паучков, закрутил потуже крышку и поставил склянку за дверь. Потом подхватил метлу и продолжил выметать сор из библиотеки в Пирамиде.

В библиотеке было очень тесно и темно. Ее освещали лишь несколько сальных свечей, которые брызгались и плевались, да и дух стоял чудной — в воздухе смешались благовония, запах ветхой бумаги и заплесневелой кожи. Но Септимусу здесь нравилось, ведь это **магическое** место. Библиотека словно восседала на самой верхушке Башни Волшебников, спрятанная от внешнего мира внутри

золотой Пирамиды, венчавшей башню. Снаружи в лучах рассвета сияло кованое золото, которым была выстлана крыша.

Закончив подметать, Септимус медленно прошелся среди стеллажей, мурлыча под нос веселую песенку и расставляя на полках **магические** книги, исписанные листы пергамента и сборники заклинаний. Архиволшебник Марсия Оверстренд вечно оставляла после себя дикий беспорядок. Конечно, в одиннадцать лет большинство мальчиков предпочли бы побегать во дворе с друзьями, тем более что лето было в самом разгаре. Но Септимус чувствовал себя здесь на своем месте. Он уже провел на улице достаточно летних дней, да и зимних тоже, когда был Мальчиком номер 412, солдатом Молодой армии.

А теперь в обязанности Септимуса как ученика Архиволшебника входило каждое утро прибираться в библиотеке. И каждое утро Септимус обнаруживал что-то новое и увлекательное. Обычно это что-то специально оставляла для него Марсия. Бывало, поздно ночью волшебница наткнется на любопытную магическую формулу и решит, что мальчика она заинтересует. Или достанет с **потайных полок** старую, зачитанную книгу заклинаний. Но сегодня Септимус нашел кое-что сам.

Вещица была спрятана под тяжелым латунным подсвечником и выглядела, можно сказать, отвра-

тительно. Марсия Оверстренд побрезговала бы взять ее в руки. Очень осторожно мальчик отодрал липкий коричневый квадратик от основания подсвечника и положил на ладонь. Изучив свою находку, он пришел в восторг — кажется, это **вкусные чары!** Толстый коричневый квадратик был похож на старую плитку шоколада. Мало того, **чары** пахли как старая плитка шоколада, и Септимус был уверен, что и на вкус они тоже как старая плитка шоколада, хотя попробовать не рискнул. А вдруг это отравные **чары** и выпали они из большой коробки с пометкой «Основные яды и отравы», которая опасно стояла на шаткой полке сверху.

Септимус достал из-за пояса маленькое увеличительное стекло и приставил его так, чтобы можно было прочитать на квадратике надпись, сделанную белыми круглыми буквами.

Надпись гласила:

**Встряхни меня — и станешь ты
Кетцалькоатль шоколатль!**

Септимус улыбнулся: он прав! Хотя так всегда бывало, если дело касалось **магии**. Это и впрямь **вкусные чары**. Нет, даже лучше — это **шоколадные вкусные чары!** И Септимус знал, кому их можно подарить. Довольный собой, мальчик сунул плитку в карман.

Работа Септимуса в библиотеке была почти закончена. Он взобрался по стремянке, чтобы привести в порядок последнюю полку, и вдруг оказался лицом к лицу с самым огромным и мохнатым пауком, какого когда-либо видел. Септимус охнул: если бы Марсия не требовала убирать из библиотеки всех пауков до единого, он бы с радостью оставил этого в покое. Восемь глазок-бусинок смотрели так пристально, будто паук решил поиграть в гляделки, да и длинные ворсистые лапы мальчику сразу не понравились: они выглядели так, будто только и ждали возможности схватить его за рукав, чтобы паук мигом вскарабкался по руке и шмыгнул за шиворот.

Молниеносным движением Септимус накрыл паука ладонью. Мохнатый сердито царапался об испачканные в пыли пальцы на удивление сильными лапками, пытаясь вырваться на свободу. Но Септимус держал крепко. Он быстро спустился с лесенки мимо люка, ведущего на золотую крышу Пирамиды, и только дошел до последней ступеньки, как паук укусил его за большой палец.

— Ой! — пискнул мальчик.

Он схватил склянку с пауками, одной рукой открыл крышку и бросил насекомое внутрь, переполюшав шестерых старых обитателей банки. В месте укуса тем временем прорезалась пульсирующая

боль. Септимус закрутил крышку как можно туже и аккуратно, чтобы не уронить банку (в которой маленькие паучки уже со всех ног удирали от большого мохнатого сородича), сбежал по узкой винтовой каменной лестнице и выскочил из библиотеки в покои Архиволшебника, госпожи Марсии Оверстренд.

Мальчик прошмыгнул мимо пурпурно-золотой двери в спальню Марсии, мимо своей комнаты и спустился по ступенькам к каморке рядом с кабинетом Архиволшебника, служившей для приготовления снадобий. Он поставил на пол банку с пауками и посмотрел на палец. Не самое приятное зрелище: палец побагровел, на коже вздулись странные синие волдыри. И больно к тому же! Здоровой рукой Септимус распахнул лекарский сундук, нашел тюбик с «Паучьим бальзамом» и выдавил на рану все содержимое. Но помогло мало. Кажется, стало только хуже. Септимус устался на палец, тот раздувался, как маленький воздушный шарик, вот-вот разорвется...

Марсия Оверстренд, учеником которой Септимус был вот уже полтора года, с триумфом вернулась в Башню Волшебников, прогнав оттуда **некрманта** Дом Дэниела, закончившего свой краткий второй срок в качестве Архиволшебника. Но там ее поджидали пауки. Марсия тщательно **вычистила**

Башню от **черной магии** и восстановила правильную **магику**, но не смогла избавиться от пауков. Это очень расстроило Марсию, потому что она знала: пауки — верный знак того, что **черная магия** до сих пор не ушла из Башни Волшебников.

Сначала после возвращения в Башню Марсия была слишком занята, чтобы заметить **дурное**, если не считать пауков. Все-таки ей впервые нужно было заботиться о собственном ученике. Ей пришлось иметь дело с семейством Хипов, которые теперь жили во Дворце, а также расселять заново Обычных волшебников. Но когда наступило первое лето Септимуса в Башне Волшебников, Марсия начала краем глаза замечать **тьму**, ступавшую за ней следом. Поначалу волшебница думала, что это ей кажется: стоило обернуться и приглядеться, как все исчезало. И только когда Альтер Мелла, призрак ее престарелого учителя и Архивоволшебника, сказал, что видит **ничто**, она поняла: ей не мерещится, за ней и в самом деле ходила по пятам **черная Тень**.

Именно поэтому весь последний год Марсия строила по частям **Тенеловку** и почти ее закончила. **Тенеловка** стояла в углу комнаты. Она представляла собой связку блестящих черных прутьев, сделанных из специального **амальгама**, который приготовил профессор Уизел Ван Клампф. Среди прутьев **Тенеловки** витал необыкновенный чер-

ный дым, и время от времени вспыхивали оранжевые огоньки. Наконец-то **Тенеловка** была почти готова. Вскоре Марсия сможет войти внутрь, заманив за собой **Тень**, а потом выйти наружу, оставив **Тень** внутри. Марсия надеялась, что так она покончит с **тьмой** в Башне.

Септимус таращился на свой палец, который стал вдвое больше нормального размера и совсем посинел. Вдруг мальчик услышал, как отворилась дверь кабинета Марсии.

— Я ухожу, Септимус, — важно проговорила волшебница. — Нужно забрать вторую часть **Тенеловки**. Я предупредила старика Уизела, что спущусь сегодня утром. Это почти последний фрагмент, потом останется только взять **пробку** — и все, прощай, **Тень**.

— А-а-а... — простонал Септимус.

Марсия подозрительно выглянула из-за двери.

— А что ты делаешь в комнате для приготовления снадобий? — живо отреагировала она, увидев руку Септимуса. — Боже правый, что ты натворил? Опять испытывал **огненное заклинание** и обжегся? Давай только без подпаленных попугаев, Септимус! От них жутко воняет, да и жалко птичек.

— Э-э-э... это было ошибкой, — пробормотал Септимус. — В смысле, заклинание «**Жар-птица**». Со всеми бывает. А меня укусили.

Марсия вошла, и позади нее Септимус увидел какой-то **черный** сгусток: **Тень** проследовала за волшебницей. Марсия склонилась над пальцем Септимуса, почти закутав мальчика в свой пурпурный плащ. Она была высокая, с длинными темными вьющимися волосами и пронзительно-зелеными глазами — явный признак людей, посвятивших себя **магике**. У Септимуса тоже были такие зеленые глаза, хотя до встречи с Марсией Оверстренд они не светились. Как и все Архиволшебники, жившие в Башне прежде, Марсия носила на шее Амулет Аку из золота и лазурита, темно-лиловую шелковую туннику с поясом из золота и платины и **магический** пурпурный плащ.

А еще на ней были туфли из кожи фиолетового питона, которые она очень долго выбирала тем утром из сотни других точно таких же пар туфель. После возвращения в Башню она собрала просто огромную коллекцию. Септимус был, по обыкновению, обут в свои единственные коричневые кожаные сапоги. Мальчику они нравились, и хотя Марсия часто предлагала заказать ему новые — из кожи изумрудного питона под зеленый наряд ученика, он всегда отказывался. Марсия никак этого не понимала.

— Тебя **паук** укусил! — сказала волшебница, вцепившись в его палец.

— Ай, больно! — завопил Септимус.

— Что-то мне это не нравится, — пробормотала Марсия.

Септимус тоже был не в восторге. Его палец стал совсем фиолетовым, а ладонь — похожей на футбольный мяч, из которого торчали пять сосисок, и он чувствовал резкую боль, идущую от руки к самому сердцу. Мальчика слегка покачивало.

— Ну-ка сядь, — торопливо сказала Марсия, сбросила какие-то бумаги со стула и усадила на него Септимуса.

Потом быстро достала из лекарского сундука маленькую склянку с нацарапанной надписью: «Паучий яд». В склянке была густая зеленая жидкость. Под крышкой сундука, точно причудливый столовый набор в корзине для пикников, было разложено множество жутких медицинских инструментов. Марсия взяла длинную тонкую пипетку и осторожно всосала в нее зеленый яд, стараясь, чтобы ни капли не попало в рот.

Септимус спрятал палец.

— Это же яд! — протестующе воскликнул он.

— Это укусы **тѐмы**, — ответила Марсия, заткнув пальцем пипетку с ядом и отставив руку подальше от плаща. — От «Паучьего бальзама» только хуже. Иногда клин клином вышибают. И яд ядом. Доверься мне.

Септимус и вправду ей доверял. По чести сказать, он доверял ей больше, чем кому-либо. Так что он выставил палец и зажмурил глаза. Марсия капнула паучьего яда на укус и пробормотала что-то похожее на заклинание против злых чар. Резкая боль в руке постепенно утихла, в голове прояснилось, и Септимусу перестало казаться, что палец сейчас взорвется.

Спокойно положив все обратно в лекарский сундук, Марсия вернулась к ученику. Он был бледен, что и неудивительно. Волшебница решила, что слишком загоняла его. Ему не повредит выходной денек, все-таки лето. Более того, ей не хотелось, чтобы сюда опять заявила его мать Сара Хип.

Марсия еще не забыла визит Сары вскоре после того, как Септимус стал избранным учеником. Однажды воскресным утром в ее дверь очень громко забарабанили. Открыв, Марсия обнаружила на пороге Сару Хип вместе с делегацией волшебников, живущих этажом ниже, которые собрались посмотреть, что, собственно, за шум. Никогда никто еще не осмеливался вот так ломиться в дверь Архиволшебника.

К изумлению собравшейся публики, Сара принялась отчитывать Марсию.

— Мы с Септимусом были в разлуке первые десять лет его жизни! — горячо восклицала Сара. —

И я не намерена провести еще десять лет, не видя его. Поэтому, госпожа Марсия, буду очень благодарна, если вы отпустите мальчика домой на день рождения его отца!

Марсия пришла в негодование, когда эта пылкая тирада была встречена бурными аплодисментами волшебников. Не только Марсию, но и Септимуса поразила речь Сары. Марсия была удивлена, потому что с ней еще никто так не разговаривал. Никто. А Септимус был удивлен, потому что не знал, что именно так поступают матери. Ему понравилось.

Меньше всего Марсия хотела повторения этого визита.

— Иди же, — сказала она, ей уже почти мерещилось, что сейчас придет Сара Хип и завопит, почему ее сын такой бледный. — Проведи денек с семьей. А пока ты будешь там, напомни своей матери, что завтра Дженна должна отправиться к Зельде и нанести Летний визит лодке-дракону. Будь по-моему, она бы ушла уже давно, но Сара любит тянуть до последней минуты. Увидимся завтра вечером, Септимус. Возвращайся не позже полуночи. Да, кстати, **шоколадные чары** можешь оставить себе.

— Э-э... спасибо, — улыбнулся мальчик, — но со мной правда все в порядке. Мне не нужен выходной.

— Возражения не принимаются, — ответила Марсия. — Давай иди.

Септимус против воли заулыбался. Может, выходной — это не так уж и плохо. Он повидает Дженну до ее ухода и подарит ей **шоколадные чары**.

— Хорошо, — сказал он. — Я вернусь до полуночи.

Септимус направился к тяжелой входной двери, которая узнала ученика Марсии и распахнулась перед ним.

— Эй! — крикнула Марсия вслед. — Ты забыл пауков!

— Тьфу ты, — буркнул Септимус.